

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Красев

Епископ Порфирий Успенский:
краткий очерк его жизни и первые страницы
«Книги бытия его»

Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 10. С. 1302-1311.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Епископъ Порфирій Успенскій.

Краткій очеркъ его жизни и первыя страницы „Книги бытiя“ его *).

ПЕРЕЖИВЪ въ Галицкомъ Лембергѣ цѣлый рядъ совершенно новыхъ настроеній и чувствъ, погрустивъ здѣсь съ своими единоплеменниками-славянами о печальномъ состоянiи православiя въ этой отдаленной славянской странѣ, собравшись съ силами для дальнѣйшаго продолженiя своего пути и наконецъ дружески со всѣми простившись, новый настоятель нашей посольской въ Вѣнѣ церкви, съ гораздо большею уже, чѣмъ прежде, поспѣшностiю, отправился теперь въ Вѣну, къ мѣсту своего новаго назначенiя. Этотъ огромный по тому времени переѣздъ онъ сдѣлалъ безъ всякаго почти перерыва въ 5—6 дней, и потому не имѣлъ уже въ это время никакой возможности ни наблюдать за тѣмъ, что встрѣчалось ему на пути, ни записывать своихъ наблюденiй. Предъ нимъ почти безслѣдно проносилось теперь все то, что въ это время, при болѣе частыхъ и продолжительныхъ остановкахъ въ пути, онъ могъ бы и видѣть въ этой новой для него странѣ, и слышать, и о чемъ онъ могъ бы, наконецъ, и спокойно затѣмъ посудить съ своей чисто русской точки зрѣнiя. За все время этого пути онъ нашелъ возможнымъ отмѣтить въ своемъ дневникѣ только о томъ, что дорога, по которой ему пришлось проѣзжать, устроена была, какъ нигдѣ въ Россiи, великолѣпно; что особенно предусмотрительно и цѣлесообразно устроены были здѣсь спуски съ горъ и подъемы на горы, значительно облегчавшіе своими волнообразными изгибами труды и людей и животныхъ при

*) Окончанiе. См. сентябрь.

перевозкѣ съ мѣста на мѣсто большихъ тяжестей, и что, наконецъ, всѣ крестьянскія поселенія близъ Вѣны, сравнительно съ нашими русскими селами и деревнями, были буквально очаровательны. Любовь къ своему русскому, родному, никогда, кажется, и ни въ какомъ отношеніи въ немъ не ослабѣвавшая, не помѣшала ему отдать все должное чужой странѣ и сдѣлать самую справедливую оцѣнку тому, чего онъ не встрѣчалъ у себя на родинѣ и что теперь повсюду раскрывалось предъ нимъ по мѣрѣ его приближенія къ лучшей изъ столицъ Европы, къ мѣсту новаго назначенія.

По прїѣздѣ въ Вѣну, архимандритъ Порфирій отдалъ, повидимому, все свое время и весь свой трудъ исполненію своихъ прямыхъ по службѣ обязанностей, и потому на все время его пребыванія въ Вѣнѣ прерывается его дневникъ, столько содержательный вообще и столько во всѣхъ отношеніяхъ интересный. Но въ слѣдующемъ 1842 году онъ снова возобновленъ былъ нашимъ ученымъ во время предпринятой имъ тогда и глубоко интересовавшей его поѣздки по живописному побережью Далмаціи съ цѣлю общаго ознакомленія съ этой славянской страной, а также, въ частности, и съ тѣмъ положеніемъ, какое занимаютъ въ этой странѣ разныя вѣроисповѣдныя группы ея населенія, въ особенности же православная вѣтвь этого населенія, какою архимандритъ Порфирій, несомнѣнно, прежде и глубже всего интересовался. Сдѣланныя имъ во время этой поѣздки наблюденія и замѣтки также представляютъ очень большой во всѣхъ отношеніяхъ интересъ и особенно со стороны тѣхъ настроеній и чувствъ, какія возбуждала въ немъ здѣсь дикая и величественная природа этой маленькой страны, никогда не выполнявшей широкихъ историческихъ задачъ, но по своимъ природнымъ условіямъ чрезвычайно грозной и могущественной. Воспринятая здѣсь архимандритомъ Порфиріемъ отъ величественной горной природы впечатлѣнія были такъ могущественны и сильны, что всѣ лучшія страницы написаннаго имъ за это время дневника содержатъ въ себѣ описаніе именно этихъ грандіозныхъ горныхъ твердынь, омываемыхъ столько же прекрасными водами одного изъ лучшихъ и самыхъ живописныхъ морей, Адриатическаго, то бурнаго и грознаго среди прибрежныхъ скалъ, то безпредѣльно тихаго и прозрачнаго, какъ поверхность зеркала, не имѣющаго ни границъ, ни предѣловъ. Увлекаемый этими красотоми природы, архиман-

дрить Порфирій какъ бы даже отходилъ нѣсколько отъ своей главной задачи—изученія и описанія религиозно-нравственнаго состоянія единовѣрныхъ ему группъ мѣстнаго населенія, и всей душой погружался въ изученіе жизни этого края въ его цѣломъ составѣ, особенно же въ изученіе того, что давала ему для наблюденія и куда влекла его эта дикая и могущественная природа. Вотъ почему о маленькихъ славянскихъ поселеніяхъ этого края, ничѣмъ особенно не богатыхъ и не располагающихъ никакими историческими достопримѣчательностями, онъ говоритъ большею частію очень кратко, какъ бы вскользь, совершенно мимоходомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ проходитъ даже и полнымъ въ отношеніи ко всему молчаніемъ. Такъ о двухъ славянскихъ поселеніяхъ, Лустоцко и Карталѣ, лежащихъ у Каттарскаго канала и всѣмъ своимъ составомъ принадлежащихъ къ православной группѣ населенія, онъ говоритъ только, что здѣсь считается около 1100 жителей, что всѣ они православные и что земля Карталы гораздо плодороднѣе Лустоцкой. За то всѣ города, чѣмъ-либо замѣчательные въ историческомъ или бытовомъ отношеніи, а также и богатые памятниками давно уже ушедшей въ прошлое старины, всегда являются для него предметомъ самаго тщательнаго и всесторонняго изученія.

Вотъ почему въ своихъ ежедневныхъ замѣткахъ о Далмаціи онъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на городахъ съ большимъ историческимъ прошлымъ, какъ Зара, или съ какими-либо исключительными особенностями занимаемаго ими географическаго положенія, какъ маленькое Каттаро, или съ выдающейся доблестью ихъ знаменитыхъ предковъ, навсегда уже утраченной ихъ слабыми потомками, какъ маленькая Курцела, и т. п. Съ большимъ вниманіемъ онъ останавливается, наконецъ, даже на такихъ маленькихъ деревушкахъ, какъ Кривосчіе, условія жизни которыхъ представляютъ очень большую оригинальность въ бытовомъ отношеніи, порождая въ наблюдательныхъ и стройныхъ умахъ цѣлый рядъ настроеній и чувствъ, могущихъ повести къ совершенно иному пониманію жизни и всѣхъ ея практическихъ нуждъ и требованій.

„Въ самомъ концѣ Канала, пишетъ архимандритъ Порфирій въ своемъ дневникѣ подъ 14 числомъ іюня, у подошвы высочайшей, дикой и голой горы стоитъ маленькій городъ Каттаро. Онъ закрытъ стѣнами такъ, что изъ-за нихъ видны

только башни церквей... Въ городѣ нѣтъ ни одного зданія, которое было бы достойно примѣчанія... Вообще, Каттаро—мѣсто печальное, особенно зимою. Когда долго и непрерывно идутъ дожди и когда солнце иза-за высокихъ горъ показывается уже въ 10 часу утра и скрывается за ними въ 3 часа пополудни, тогда царствуетъ въ немъ печальный полумракъ. А лѣтомъ бываютъ несносные жары, ибо каменные обнаженные горы разогрѣваются, какъ паровыя печи, и струятъ изъ себя жаръ даже и ночью. Прохладительный сѣверо-западный вѣтеръ, который такъ благодѣтеленъ въ другихъ городахъ Далмаціи, здѣсь останавливается въ своемъ теченіи высокими горами; но въ зимнее время бурей и сюда залетаетъ и, устремляясь съ горъ въ Каналь, навѣваетъ холодъ тѣмъ болѣе ощутительный, чѣмъ короче свѣтитъ и грѣетъ здѣсь солнце. Но, несмотря на все это, поднебіе Каттаро такъ благопріятно для здоровья, что нѣмцы говорятъ здѣсь: „кто не хочетъ умирать, тотъ ступай въ Каттаро“.

„Въ этомъ городѣ находятся двѣ православныя церкви, крайне бѣдныя; одна изъ нихъ Св. Николая, другая во имя Св. Луки, съ малымъ придѣломъ во имя Св. Спиридона“. „Во время прогулки за городомъ, продолжаетъ архимандритъ Порфирій, мѣстный протоіерей (Ивеличъ) сильно жаловался на притѣсненіе католиковъ и оплакивалъ бѣдственное положеніе православныхъ въ Далмаціи. Онъ, рассказывалъ также, что во время венеціанскаго владычества православный священникъ обыкновенно отдавалъ ключи отъ своихъ церквей католическому епископу. Въ праздникъ Св. пророка Іліи онъ хотѣлъ служить обѣдню, но епископъ не далъ ему ключей, сказавъ: „мы не празднуемъ сегодня, не даю ключей“. Священникъ съ горестью вышелъ отъ епископа и прямо пошелъ къ своей церкви, сталъ на колѣни предъ нею и началъ молиться. Надъ Каттаро собирались громовыя тучи, молнія ударила въ пороховой погребъ; отъ взрыва пороха сдѣлалось сильное потрясеніе въ городѣ, церковь отворилась сама собою и священникъ вошелъ въ нее и отслужилъ литургію въ присутствіи изумленныхъ христіанъ. Но католическій епископъ послѣ истязалъ его и почиталъ за чародѣя“.

О тихой, смирной и какъ бы надолго уснувшей въ своемъ уединеніи Курцолѣ архимандритъ Порфирій сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Съ темени горы всѣ дома и улицы, спускаются здѣсь къ морю по тремъ крутымъ отло-

гостямъ ея. Улицы тѣсны, мрачны и смрачны; точнѣе сказать: это не улицы, а каменные полуразвалившіяся лѣстницы, которыхъ никогда не топтала конская нога и не бороздило колесо. А дома почти все суть жалкія развалины, поросшія плющемъ и травою. На многихъ изъ нихъ я замѣтилъ разные гербы: видно, что въ свое время въ Курцола было много благородныхъ семействъ. Все дома складены изъ кирпичей и не оштукатурены. Въ постройкахъ Курцола замѣтно подражаніе Венеціи (не по этому ли подражанію Курцола обратилась и въ развалины, вслѣдъ за своею владычицею?). Главные и большіе города всегда и вездѣ служатъ примѣромъ и образцомъ добра и зла для городовъ малыхъ, и потому съ паденіемъ ихъ обращаются въ развалины и ихъ жалкіе подражатели. Народонаселеніе этого города весьма малочисленно—около 600 душъ. Два раза я былъ въ немъ и бродилъ по его унылымъ и запустѣвшимъ улицамъ, и два раза изумляла меня могильная тишина, царствующая среди почернѣвшихъ развалинъ. Я не слыхалъ никакого голоса, никакого звука. Кой-гдѣ въ окнахъ появлялись живые люди и то на минуту; казалось, они удивлялись любопытству иностранца, который издалека пріѣхалъ видѣть ихъ развалины, и вмѣстѣ стыдились своего гробового существованія, и потому скрывались отъ любопытнаго взора въ своихъ развалинахъ, какъ пугливые олени кроются въ чащѣ лѣсной отъ сіянія луннаго. Остановясь предъ львомъ Св. Марка и прочитавъ на разогнутомъ имъ Евангеліи слова: „*paх tibi, Marce, eгanvelista meus*“, я невольно повторилъ по-русски эти слова среди кладбищенской тишины городской: „Миръ тебѣ, Маркъ, евангелистъ мой!“ Этотъ левъ прежде возбуждалъ въ гражданахъ Курцола и патриотизмъ, и соревнованіе, и честь, и храбрость, и братское содружество; а теперь самъ онъ какъ будто спитъ глубокимъ непробуднымъ сномъ послѣ вѣкового, зоркаго и тревожнаго бдѣнія“.

Такое же приблизительно впечатлѣніе мертваго покоя и крайней во всемъ нетребовательности произвели на архимандрита Порфирія и маленкія горныя деревушки, находящіяся на одномъ безплодномъ каменистомъ горномъ хребтѣ и извѣстныя подъ общимъ именемъ Кривосчіе. „Жители, въ числѣ 600 душъ, все православнаго исповѣданія. По причинѣ частныхъ ссоръ съ пограничными своими сосѣдями, они такъ грубы и ненадежны, что ихъ можно назвать Далматскими

кабилями. Всѣ дома ихъ разсѣяны и по большей части при-слонены къ скаламъ. Сухая почва Кривосчанской земли не благопріятна для земледѣлія и едва доставляетъ Кривосчанамъ необходимое пропитаніе. Существованіе этихъ бѣдныхъ людей есть ничто иное, какъ постоянная борьба съ природой не для услажденія жизни, но для удолерворенія первымъ ея потребностямъ. Поэтому, кто хочетъ знать, прибавляетъ архимандритъ Порфирій, какъ мало нужно человѣку въ этой жизни, тотъ пусть посѣтитъ избу кривосчаника, и посмотритъ на его житье. Все движимое имущество его состоитъ изъ нѣсколькихъ скамеекъ, винныхъ мѣховъ, горшковъ и водоносовъ“.

Не забылъ архимандритъ Порфирій рассказать въ своемъ дневникѣ даже и о томъ, какъ подъ стѣнами Зары въ пристани, противъ самыхъ главныхъ воротъ, ночью, два славянина, сидя на своихъ лодкахъ, на которыхъ они привозили хворостъ для отопленія, пѣли пѣсни на сербскомъ языкѣ; какъ одинъ изъ нихъ запѣвалъ густымъ басомъ, а другой, спустя нѣсколько тоновъ, подтягивалъ; какъ дики, чудны и извилисты были модуляціи этого подпѣвалы; какъ голосъ его увивался около монотоннаго голоса запѣвалы подобно плющу, обвивающемуся около дерева; какъ въ этой странной и заунывной пѣснѣ оба голоса сливались, наконецъ, въ одинъ общій тонъ, пониженный въ октаву противъ начальнаго тона пѣсни.

Но совершенно особыя чувства и настроенія переживаетъ архимандритъ Порфирій тогда, когда подпадаетъ подъ непосредственное вліяніе на него живой всецильной природы. Тогда уже и все то, о чемъ онъ въ это время и пишетъ и говоритъ въ своемъ дневникѣ, является уже какъ бы живымъ отображеніемъ тѣхъ душевныхъ волненій и чувствъ, какія навѣваетъ на него природа. Тогда уже не только общія мысли и настроенія, но даже и слова для выраженія ихъ являются у него какъ бы уже сами собой, безъ всякаго въ этомъ направленіи напряженія его воли, безъ всякаго почти активнаго съ его стороны участія. Онъ говоритъ тогда только то, что подсказываетъ ему какъ бы сама природа, всегда неуловимо вліяющая на умы и сердца тѣхъ, кто способенъ широко понимать ея величественную красоту и безконечно наслаждаться ею.

Одною изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи страницъ дневника архимандрита Порфирія можетъ быть признано описаніе величественнаго Каттарскаго канала, которымъ ему приходилось проѣзжать въ самое лучшее время года, въ іюнѣ мѣсяцѣ, и несомнѣнно въ очень хорошіе дни и ночи, когда и безъ того прекрасная и величественная природа могла казаться ему еще очаровательнѣй и грандіознѣй. Вотъ подлинныя слова архимандрита Порфирія, находящіяся въ 1 томѣ „Книги его бытія, на 81—84 страницахъ:

„Самая наилучшая часть Каттарскаго округа есть Каттарскій каналъ съ его прибрежными деревнями и городками. Два раза, днемъ и ночью, я плавалъ вдоль этого канала и два раза я наслаждался картинными его видами. По обѣимъ сторонамъ его возвышаются исполинскія каменныя горы; чѣмъ ближе подвигаются онѣ къ Каттаро, тѣмъ выше и выше становятся; то параллельно стоятъ онѣ и смотрятъ другъ на друга, то вдругъ сердито расходятся, то опять сближаются и становятся, какъ кому попало. Вѣчные исполины, въ конусныхъ шапкахъ, съ каменною обнаженною грудью, они прямо и гордо стоятъ по колѣни въ каналѣ и смотрятъ одинъ изъ-за другого въ изумрудную воду.

Этотъ тихій, прозрачный, извилистый водоемъ посланъ для мореходовъ, какъ зеленый бархатный коверъ, отороченный разноцвѣтными узорами. Носясь по этому водоему, забываешь, что плывешь по бурному морю и воображаешь, что зыблешься на тихомъ горномъ озерѣ. Поверхность воды гладка, какъ зеркало, чиста, какъ око младенца. День здѣсь молчаливъ, какъ ночь. Виды непрестанно смѣняются, какъ тѣни въ волшебномъ фонарѣ. Надъ вершинами горъ лазурное небо лежитъ, какъ покровъ, здѣсь узкій, какъ флагъ, тамъ широкій какъ парусъ; а эти горы, дикія, сѣрыя, черныя горы стоятъ подъ этимъ покровомъ, какъ давнымъ давно сдѣланныя геометрическія фигуры. Смотришь на берега: вотъ деревенскіе дома... Въ окнахъ люди, на берегахъ люди: всѣ привѣтствуютъ насъ путниковъ, киваютъ головами, машутъ платками, улыбаются, говорятъ, стрѣляютъ. Тѣ же дома, тѣ же пристани, челны и тѣ же люди отражаются въ изумрудномъ зеркалѣ водъ и также привѣтствуютъ насъ, киваютъ, улыбаются, стрѣляютъ. Двойное видѣніе, двойное наслажденіе!.. Высоко летаютъ небесныя птицы, высоко въ горахъ трудятся и бокки—славяне. Какъ

они всходятъ туда и сходятъ оттуда (особенно старики, старухи и непраздныя женщины)? Въ крѣпкой груди у нихъ чистый, тонкій, пріятный и живительный воздухъ, въ ногахъ привычка, подъ ногами искусственныя террасы...

Одинадцать часовъ пробило на Каттарской башнѣ. Эхо послѣдняго звука долѣе длилось въ горахъ и долѣе исчезало слабымъ дрожаніемъ. Небесныя звѣзды свѣтили землѣ и смотрѣлись въ незыблемую воду. Черныя тѣни облегали высокія горы, стоящія надъ Каттаро, и закрывали этотъ городокъ, какъ будто погребальнымъ флеромъ. Но на противоположной сторонѣ маковки горъ озарены были слабо мерцающимъ сіяніемъ, которое лилось на нихъ изъ-за Черногоріи. Глубокая тишина царствовала повсюду; лишь изрѣдка величественное молчаніе ночи нарушаемо было свадебными ружейными выстрѣлами и ихъ эхомъ. Чудно это горное эхо. Чѣмъ далѣе оно бѣжитъ, чѣмъ громче гремитъ и вдругъ глухимъ гуломъ исчезаетъ въ горахъ. Минула полночь. Пароходъ зашумѣлъ, задрожалъ, побѣжалъ. Было свѣжо и тихо; полная луна вдругъ показалась на безоблачномъ небѣ Черногоріи; она то и проливала блѣдное сіяніе, замѣченное мною на вершинахъ горъ Каттарскихъ. Никогда я не забуду этой прекрасной ночи и этихъ видовъ канала, которые при лунномъ сіяніи казались вдвое очаровательнѣе. По одну сторону горы стояли, какъ монахи, закутанные въ черныя мантии, а по другую—онѣ облиты были свѣтомъ, какъ царедворцы золотомъ. Прибрежныя деревни, домики и островки, казалось, плавали въ водѣ. Края ея бѣлѣли, какъ атласныя ленты; ихъ невидимо, неслышимо искалъ свѣтель мѣсяцъ на фосфорной канвѣ. Каналь змѣей извивался между горами; то скрывался въпереди, то замыкался позади. Смотришь вдаль: гора! Вотъ сейчасъ пароходъ вопьется въ нее, и вдругъ онъ огибаетъ, мнуетъ ее и снова несется къ другой горѣ. Смотришь назадъ: гора! Она опять заслонила дорогу. Чудное зрѣлище! Мнилось, какъ будто нѣкій могучій горный духъ раздвигалъ предъ нами и здвигалъ за нами эти гигантскія горы, Пароходъ выплылъ наконецъ въ открытое море“.

Столько же художественно описано было архимандритомъ Порфириемъ и его прощаніе съ вольнолюбимой Зарой (Задерой), этой старой славянской вольницею, расположенной на берегу прекраснаго моря и со всѣми своими твердынями

какъ бы любующейся собою въ зеркальной поверхности его водъ или мягко утопающей въ его нѣдрахъ. Вотъ подлинныя слова вполне прочувствовавшаго эти дивныя красоты архимаидрита Порфирія:

„Прекрасный день! Тихое и прохладное вѣяніе морского вѣтерка освѣжаетъ грудь и, какъ легчайшее дуновение материнскихъ устъ, приятно и нѣжно щекотитъ лицо. Съ жадностію вливаю я въ себя этотъ живительный воздухъ. Мнѣ такъ приятно въ эти минуты. Подъ чужимъ небомъ, между высокихъ горъ и холмистыхъ острововъ, по рыбьей дорогѣ вирило сапфирнаго цвѣта я несусь, я лечу на этомъ могучемъ и странномъ бѣгунѣ, который горитъ и не сгораетъ, кипитъ и не выкипаетъ, самъ бѣжитъ и море движетъ. Прощай Задера! Ты уже скрываешься, тонешь, исчезаешь въ сіяніи небосклона съ твоими водами. Прощай старая бунтовщица! Прощайте, братья славяне! Да благословитъ васъ Всевышній! А моя грудь полна сочувствія, братской любви къ вамъ и многихъ, многихъ желаній“...

„Какъ хорошъ этотъ широкій Задерскій каналъ, по которому такъ быстро несется пароходъ! Съ правой стороны его тянется огромный и тяжелый Велебичъ, одѣтый однимъ свѣтомъ солнца и вмѣстѣ какой-то тончайшей сине-бѣловатой дымкой; слѣва непрерывной цѣлью разстилаются остроконечные холмы острововъ. Въ самомъ каналѣ безчисленные мириады крошечныхъ, легчайшихъ, едва замѣтныхъ зыбей переплетаются между собою; вѣтеръ тчѣтъ изъ нихъ клѣтчатыя узоры. Сине-зеленая глубь этого водоема удивительно прозрачна, небо въ ней кажется другимъ моремъ и по этому морю плыветъ свой корабль, весь устроенный изъ горячаго свѣта. Тамъ вдали, у подножія Велебича, вода стоитъ смиренно, неподвижно, какъ будто на мели, а у противоположныхъ береговъ, я вижу, зыблется челнокъ; въ немъ рыбакъ сидитъ, и смотритъ, и слушаетъ, какъ нашъ великанъ дышетъ, дрожитъ, шумитъ, летитъ быстро, гордо, величаво. Здѣсь вблизи, отъ движенія колесъ парохода образуются маленькія волны; свиваясь и развиваясь непрерывной кривой линіей, онѣ разстилаются вкось отъ боковъ парохода и вмѣстѣ съ шипящимъ слѣдомъ его образуютъ видъ пера, опушеннаго жемчужною пѣной. Эти маленькія синія волны очаровательны, волшебны! Кажется, будто какая-то невидимая рука быстро вырѣзываетъ тончайшіе ихъ хребтики и изъ нихъ брыжжутъ

крупные алмазы; а по скатамъ ихъ рассыпаются мелкіе, жемчужные, серебряные, брилліантовые узоры! Эти узоры мгновенно исчезаютъ и снова мгновенно ткуются. Ахъ, если бы они внезапно огустились и если бы я могъ срѣзать ихъ съ этихъ волнъ съ ихъ сапфировыми канвами“...

Этимъ мы окончимъ нашъ настоящій рассказъ, сохраняя желаніе снова возвратиться къ прекраснымъ страницамъ дневника, оставленнаго намъ архимандритомъ Порфириемъ. Мы знаемъ, что описаніе болѣе отдаленнаго и болѣе разнообразнаго по впечатлѣніямъ пути на Востокъ, совершеннаго архимандритомъ Порфириемъ въ 1843 году, а также и безпрерывнаго почти путешествія его съ научною цѣлію по Сиріи, Египту и Св. Землѣ содержитъ въ себѣ еще болѣе разнообразный и во всѣхъ отношеніяхъ неисчерпаемо цѣнный матеріалъ, съ которымъ несправедливо было бы не знакомить время отъ времени тѣхъ, кто почему-либо лишень возможности изучить содержаніе этого прекраснаго памятника во всей его полнотѣ и по подлинному его тексту.

А. Красевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки